

Аббадо выдержал паузу

знаменитый дирижер выступил в Петербурге

II ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

Клаудио Аббадо приехал в Петербург с Молодежным оркестром имени Густава Малера и дал в Большом зале Филармонии единственный концерт. Программу его составили поздние сочинения Малера: шестая, заключительная часть «Песни о земле», в которой солировала певица Анна Ларссон, и Девятая симфония.

Маэстро Клаудио Аббадо — на мраморной лестнице отеля «Европа», после ланча в итальянском ресторане Фотограф: Никитя Инфантьев/Газета

Сразу после репетиции в голубой гостиной Филармонии вокруг Клаудио Аббадо немедленно столпился народ. То и дело возникали водовороты из филармонических работников, менеджеров оркестра, разнообразных визитеров. На просьбу об интервью он ответил: «Я ненавижу давать интервью. Никогда их не даю, не вижу в этом смысла. Я занимаюсь музыкой, думаю, этого достаточно. Зачем что-то говорить, когда музыкой уже все сказано?» В ответ на вопрос об оркестре, с которым предстоит играть, Аббадо сказал: «Достаточно посмотреть на их молодые лица, заглянуть в горящие глаза, и все становится ясно без слов. Они увлечены игрой, увлечены музыкой. Это можно наблюдать, глядя на сцену. Добавить к этому выражению лиц просто нечего».

Увлечение Аббадо музыкой Малера ничуть не потускнело и не остыло за десятилетия. Влюбившись в венский постромантический симфонизм раз и навсегда, дирижер записал все симфонии Малера и Брукнера, создал Молодежный оркестр имени любимого композитора и последовательно выстроил вокруг себя особый малеровский мир, из которого вовсе не торопится выходить. Это может показаться удивительным, если вспомнить, что по происхождению да и по менталитету Аббадо — итальянец. Начиная карьеру в La Scala, был там музыкальным директором; гастролью с театром в Москве в 1974 году, показал себя типично «вердиевским» оперным дирижером. Впрочем, главной вехой на жизненном пути Аббадо стала Вена. Как и сам Малер, Аббадо возглавил Венскую оперу и оркестр Венской Филармонии. А в 1987-м — беспрецедентный случай — даже стал генеральным директором Вены. Такой должности ни до, ни после Аббадо не существовало: небывалый знак признания его заслуг перед самым музыкальным городом мира.

В последние годы Аббадо в связи с тяжелой болезнью практически отошел от дел. Сейчас он возглавляет всего один оркестр — фестивальный оркестр Люцерна. Для дирижера пришла пора подводить итоги. В этом смысле выбор программы для выступления в Петербурге выглядит закономерно и даже предсказуемо. Тема прощания с жизнью, характерная для последних сочинений самого Малера (когда композитор узнал о своем сердечном заболевании), сегодня стала Аббадо особенно близка. Острижившись от всего суетного, несущественного, дирижер пытается вырастить в своей душе мир и светлый покой, к которому пришел Малер в фина-

ле «Песни о земле», в триаде последних своих симфоний. Малеровское предощущение смерти и примирение с ней волнует дирижера сегодня куда больше реальной жизни.

В интерпретациях Аббадо последнего времени не найти накала страстей, экзальтации, обостренного драматизма — словом, всего того, что присуще здоровому человеку. Впрочем, он и раньше чуждался крайностей в выражении, стремясь к гармонии и равновесию. Аббадо всегда тяготел к «тонким настройкам» музыкального организма — оркестра. Интерпретации Аббадо не потрясают; да он, собственно, и не стремится к этому. Нет в его прочтениях партитур и трогательной детской хрупкости, которую мы вправе ожидать от исполнения поздней малеровской музыки. Аббадо по сути остается расчетливым, умным капельдином; он умеет мастерски организовать игру оркестра, но ему недоступны высшие, метафизические радости музицирования, экзотические озарения и взлеты. И именно такого Аббадо мы услышали в Филармонии.

Молодежный оркестр, благоговейщий перед маэстро, играл старательно и четко, хоть и не безукоризненно. Оркестровой «саунд» оказался завораживающе красив и мягок. В Девятой симфонии общая звуковая картина выстроилась убедительно и логично. В «Прощании» из «Песни о земле» очень хорошо была певица, Анна Ларссон: грудное контральто, интимная, подчеркнута неаффектированная интонация, убаюкивающие обертоны в окраске голоса. Правда, если судить по самому высшему, гамбургскому счету, исполнение показалось излишне заторможенным и потому слегка скучноватым. Не хватило сердечной, пронзительной ноты, которая составляет самую суть малеровской музыки. Впрочем, публика и так была довольна: кричала, хлопала в такт, совершенно позабыв, что маэстро только что поставил ее в неловкое положение, специально выдержав по окончании томительно долгую паузу в напряженной тишине. Слишком долгую, чтобы она не показалась нарочитой. Дирижер застыл за пультом. Застыли смычки, воздетые в последнем жесте. Публика терпела долго, недоумевая: конец или не конец? И все-таки не выдержала, разразилась аплодисментами, дав моральное право дирижеру выразить немой укор спиной, заткнутой в тонкий фрак. То была чистойшей воды провокация; «вредная» выходка, больше сказавшая о характере дирижера, чем только что прозвучавшая интерпретация Малера.